

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-525-534

Контроль как форма соотношения субъектов конституционного права

Васильев С.А.

Севастопольский государственный университет
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33;
Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, улица Володарского, д. 6.
mnogoslov@mail.ru

Аннотация. Контроль – это форма деятельности компетентных органов, присущая любому государственному органу; выражается в анализе соответствия того, что происходит на самом деле или что происходило в прошлом нормам действующего законодательства. Осуществление контроля регулируется большим количеством нормативных правовых актов, но данная процедура не всегда эффективна на практике, что имеет юридические и правоприменительные причины. Целью исследования является выявление сущностных характеристик осуществления контроля в правоприменительной практике России с позиций теории взаимоотношений субъектов конституционного права для модернизации конституционно-правового регулирования. Используются общеправовой, общенаучный и специально-правовой методы научного исследования. Для выявления многообразия применения рассматриваемой формы взаимоотношений между субъектами конституционного права активно использовался метод экспертных оценок. В целях повышения качества контроля автором предлагается рассмотреть сущность взаимоотношений между субъектами, влияющими друг на друга, для модернизации нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: контроль, теория соотношения, субъекты конституционного права, государственный контроль, муниципальный контроль, общественный контроль, надзор, государственно-общественное формирование

Для цитирования: Васильев С.А. 2024. Контроль как форма соотношения субъектов конституционного права. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(3): 525–534. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-525-534

Control As a Form of Correlation of Subjects of Constitutional Law

Stanislav A. Vasiliev

Sevastopol State University
33 Universitetskaya St, Sevastopol 299053, Russian Federation;
Tyumen State University
6 Volodarsky St, Tyumen 625003, Russian Federation
mnogoslov@mail.ru

Abstract. Control is a form of activity of competent authorities inherent in any state body; it is expressed in the analysis of compliance of what is actually happening or what happened in the past with the norms of current legislation. The implementation of control is regulated by a large number of regulatory legal acts, but this procedure is not always effective in practice, for some legal and law enforcement reasons. The purpose of the study is to identify the essential characteristics of the exercise of control in the law enforcement practice of Russia from the standpoint of the theory of relations between subjects of constitutional law for the modernization of constitutional regulation. General philosophical, general

scientific and special legal methods of scientific research were used. To identify the variety of applications of the considered form of relations between subjects of constitutional law, the method of expert assessments was actively used. For the purpose of improving the quality of control, the author proposes to consider the essence of the relationship between subjects influencing each other, in order to modernize statutory regulation.

Keywords: control, theory of relationship, subjects of constitutional law, state control, municipal control, public control, supervision, state-public body

For citation: Vasiliev S.A. 2024. Control As a Form of Correlation of Subjects of Constitutional Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 525–534 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-525-534

Введение. Теория контроля

Теория соотношения субъектов конституционного права является авторской разработкой, основное содержание которой представляет собой исследование связей между акторами, но не только в рамках правоотношений, но и в виду правового статуса каждого из них. Так, на основании ст. 91 Конституции Российской Федерации Президент обладает неприкосновенностью, однако реализация данной нормы в новейшей отечественной истории зафиксирована не была. Тем не менее данное обстоятельство учитывается самыми разными субъектами и влияет на их поведение, хотя в правоотношения они не вступают.

В самом общем виде контроль как социальное явление представляет собой определенную реакцию на возникающие девиации, но в процессе планомерно осуществляемой деятельности, направленной на выявление отклонений от стандартов [Парсонс, 2001, с. 361], включая правовые. В этом и заключается его основное отличие от надзора, который реакцией на нарушения не характеризуется в качестве первоочередной своей задачи. Кроме того, контроль не выступает в качестве первичной деятельности, он по своей сущности вторичен [Старосыцк, 1965, с. 197], т. к. без изначально совершенного или произошедшего реализован быть не может.

Для эффективного осуществления контроля [Годованик, Путренко, 2024] необходимо, чтобы личность сама была готова к этому. То есть изначально контроль должен быть над самим собой. Чувство справедливости, возмущения, вера и прочие составляющие позволяют этого достичь. Однако важны и внешние факторы, такие как признанные правила, общественное мнение и иные соотношения, которые поддерживают осуществление социально признанного контроля [Ross, 1965, с. 95].

Как правило, данная форма соотношения субъектов конституционного права воспринимается негативным образом, опять же, исходя из психологии человека [Wibbeke, Lachmann, 2020]. В этой связи позитивный эффект имеют более лояльные методы осуществления контроля. Так, А.А. Кирилловых констатирует переход Рособнадзора России с сугубо контрольных мероприятий на мониторинговые, что, по мнению ученого, представляет собой стимулирование в большей степени и поступательное движение к более конструктивному взаимодействию общества и государства [Кирилловых, 2022]. Хотя на практике постоянный мониторинг с моментальным представлением замечаний сохраняет определенное моральное напряжение проверяемых в отличии от периодической контрольной проверки в строго определенный период.

Обозначенное обстоятельство обуславливает многообразие соотношений субъектов конституционного права в данной форме. И.А. Грошева предлагает классификацию форм реализуемого в России контроля в самом широком смысле, которые можно подразделить на следующие:

1. Институциональные – связаны с функционированием публичной власти, обусловлены социальным стандартом, в основном используют принуждение и также разделяются на *политические, судебные, административные*.

2. Неинституциональные базируются на жизненном стандарте, чаще используют убеждение или групповое давление и подразделяются на *общественные, гражданские, самоконтроль* [Грошева, 2011, с. 70].

Каждый из выделенных видов обладает своей спецификой, инструментами осуществления, а также искомым результатом. Безусловно, нельзя указанный перечень считать исчерпывающим, поскольку в первом пункте невозможно четко отразить прокурорскую деятельность, а во втором должна явно просматриваться роль политических партий и профсоюзов.

В юриспруденции контроль понимается как комплекс мероприятий, осуществляемый компетентными субъектами по установлению соответствия фактических действий проверяемыми субъектами нормам действующего права. В случае выявления нарушений, происходит деятельное вмешательство, нацеленное на восстановление режима законности. Таким образом, все контролирующие акторы заинтересованы в обеспечении правопорядка. Отталкиваясь от такой парадигмы, А.А. Спиридонов предлагает основывать контрольно-надзорную деятельность на принципе системного единства государственного, муниципального и общественного контроля [Спиридонов, 2023, с. 58]. Это же обстоятельство можно воспринимать как многообразие публичной власти, включающей в себя власть общественную [Чеботарев, 2020]. На такой основе далее будет рассмотрена специфика государственного и общественного контроля.

Государственный контроль

Рассматривая государственный контроль, Е.Е. Тонков [Тонков, 2011] выделяет следующие его признаки:

- обязательная подчиненность или подведомственность подконтрольного субъекта в отношении контролирующего;
- объектом данного рода соотношения выступает установление законности и правопорядка в деятельности проверяемых акторов;
- наличие полномочия отмены незаконно принятого решения, выявленного в ходе проверки;
- формулирование рекомендаций по итогам контрольных мероприятий.

Также данный автор отмечает необходимость ограничения данной формы соотношения субъектов конституционного права от взаимодействия, которое возможно между проверяющим и проверяемым, но достигнуть этого крайне сложно, т. к. все участники должны быть одинаково заинтересованы в итоговом результате. В основном же на практике контроль сводится к установлению стандарта поведения проверяемого согласно положениям действующего законодательства [Тонков, 2011, с. 204]. Тем не менее в современной литературе встречаются позиции, идентифицирующие контроль в качестве взаимодействия [Салий, 2021; Омран, 2023; Ханахмедова, 2023], что также воспринимается законодателем и приводит к дефектам правового регулирования и правоприменения.

В условиях федеративного государства и федеральные, и региональные органы государственной власти несут ответственность перед многонациональным народом. В этой связи становится актуальным взаимный контроль данных уровней власти друг за другом. Безусловно, он не может быть равным [Эбзеев, 2005, с. 307], тем не менее его наличие обеспечивает конституционализм и конституционность, дополнительно гарантирует правовой статус личности. Однако свидетельствовать о фактической реализации контроля субъектов Российской Федерации за федеральным центром вряд ли приходится, если не рассматривать деятельность Совета Федерации или Государственного

Совета в качестве такой специфической формы контрольно-надзорной деятельности. С точки зрения теории соотношения субъектов конституционного права, указанные государственные структуры следует воспринимать в качестве самостоятельных акторов. В этой связи отсутствие взаимного контроля высших органов государственной власти Российской Федерации дает основание Д.А. Авдееву утверждать о тенденции формирования «монархического» публичного управления под общим управлением главы государства¹.

В этом контексте, а также в развитие идеи о сильной исполнительной власти в России², которой в большей степени и свойственно осуществление контрольной деятельности [Хугаева, 2023], Р.М. Мусаева отмечает недостаточность контрольных полномочий у законодательной ветви власти, что обуславливает необходимость расширения полномочий соответствующего органа и усиления отчетности представителей исполнительной ветви власти [Мусаева, 2011].

Таким образом, несмотря на кажущуюся фундаментальность практики государственного контроля в данной сфере сохраняются проблемы правоприменения. Кроме того, реализация данной формы соотношения субъектов конституционного права предопределяет дополнительные характеристики современного государства. Обозначенные обстоятельства требуют своего учета в последующей модернизации нормативного правового регулирования.

Общественный контроль

Контрольные функции со стороны публичной власти представляется большинству правоведов чем-то привычным, стандартным, осуществляемым по устоявшимся правилам [Felício et al., 2021; Lawson, Zarakol, 2022]. Например, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия [Maddah et al., 2023] вряд ли возможно без императивного государственного воздействия [Голобородько, 2023, с. 737] с учетом того, что представители бизнеса в целях экономии и увеличения собственной прибыли могут пренебрегать публичными интересами [Росенко, 2023].

В то же время широкое распространение, сначала теоретически [Ansell, Lindvall, 2020], а теперь и законодательно на основании Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³, получил аналогичный функционал со стороны общественности в отношении деятельности государственных структур. В.Е. Чиркин считал, что такое обновленное устройство современного соотношения субъектов конституционного права за несколько десятилетий привело к тому, что общество само активно воздействует на государство, которое в указанных условиях из бескомпромиссного управленца превращается в субъекта, ищущего консенсус, стремящегося обеспечить благополучие своих граждан [Чиркин, 2005]. Такое воздействие на государство из благих побуждений в своей сущности сводится к общественному контролю. Еще В.В. Ивановский справедливо предлагал формулу благополучного и развивающегося государства: контроль над деятельностью администрации является правомочием общественных формирований, представляющих интересы народа, а суды функционируют самостоятельно и независимо⁴.

¹ Авдеев Д.А., Николаев А.С., Саленко А.В. и др. 2023. Проблематика организации публичной власти в России. Тюмень, ТюмГУ-Press, С. 43.

² Пожарский Д.В., Андреева И.А., Гончаров И.В. и др. 2023. Организация публичной власти: учебник, под общ. ред. Д.В. Пожарского. М., Академия управления МВД России, 293 с.

³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

⁴ Ивановский В.В. 1913. Учебник государственного права. Казань, Типолитограф. Императорского университета, 500 с.

В. Остром характеризовал общественный контроль как раз в качестве некоего механизма, при помощи которого «совершенное и произошедшее» граждане «замыкают» на себя. Делается это с целью минимизации негативных эффектов, а также с целью последующей модернизации [Остром, 1993, с. 170].

И.А. Грошева отмечает, что для демократического режима свойственно преобладание общественного контроля, а для авторитарного – государственного. В России же сложилась ситуация, при которой под видом общественного контроля политические элиты отстаивают свои интересы и не позволяют подлинно нуждающимся в его осуществлении удовлетворить свои потребности [Грошева, 2011, с. 43]. Возможно, сформулировано довольно категорично, но в сущности ситуация примерно похожая, когда с использованием государственно-общественных формирований происходит реализация прежде всего государственных интересов, а лидеры такого рода формирований, зарекомендовавшие себя, занимают высокие государственные должности, далеко не сразу избираясь на прямых выборах. Также необходимо оговориться, что при всем этом совсем не решаются общественные вопросы и проблемы простых людей.

Также данный автор считает, что в настоящее время общественный контроль не возымел своей полной эффективности в виду того, что до конца не выработаны методологические подходы к осуществлению социального контроля в принципе [Грошева, 2011, с. 3]. Несмотря на то, что указанный тезис сформулирован более 10 лет назад, проблема сохраняет свою актуальность [Чеботарев, Петелин, 2024], т. к. говорить в полной мере о высокой эффективности данного вида соотношения субъектов конституционного права в настоящее время не приходится [Гончаров, 2024].

Е.В. Бердникова справедливо замечает, что общественный контроль направлен на ограничение государственной власти силами институтов гражданского общества. Это осуществляется путем применения активных действий со стороны общественности, которые выражаются в наблюдении, анализе деятельности органов публичной власти, что позволяет выявлять нарушения нормативного правового регулирования в их деятельности. Кроме того, по мнению цитируемого автора, общественный контроль – это форма участия граждан в управлении делами публичной власти [Бердникова, 2016, с. 37]. С этой позицией соглашается И.М. Япрынецев, считая, что, участвуя в общественном контроле, граждане вовлекаются в осуществление публичной власти в полном системном понимании данного явления [Япрынецев, 2018, с. 13].

Как видно, общественный контроль представляет собой совокупность активных действий только одного субъекта без взаимного или ответного согласия со стороны конкретного проверяемого. Общее позволение для осуществления указанной деятельности в отношении в том числе муниципальных структур уже сделало государство, приняв соответствующие нормативные правовые акты¹. Тем не менее общественный контроль имеет существенные резервы для своего совершенствования и развития, свидетельством чему могут служить п. 4 и п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, в которой он позиционируется в качестве значимого условия обеспечения защищенности страны от внешних и внутренних угроз².

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007; Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 года № 336 (ред. от 18 июля 2024 года) // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1715 и др.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Это косвенным образом указывает на то, что публичная власть будет создавать необходимые условия для его реализации.

Основной проактивной целью осуществления общественного контроля является обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, общественных объединений и иных негосударственных формирований [Спиридонов, 2023, с. 58].

В то же время, рассматривая осуществление общественного контроля в системе МВД России общественными советами при нем и при его подразделениях, И.А. Грошева критически отмечает, что отсутствие закрепленных в Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»¹ конкретных механизмов осуществления общественного контроля нивелирует его, сохранив систему органов внутренних дел закрытой для осуществления такой деятельности. Оценивая функционирование общественных советов при данном правоохранительном органе, автор отмечает их низкую эффективность по ряду причин. Во-первых, инициатива исходит от государства, что изначально позиционирует его главенствующую роль при соотношении соответствующих субъектов. Во-вторых, отсутствуют препятствия для включения в состав таких советов непрофессионалов, не разбирающихся в специфике деятельности поднадзорных органов и должностных лиц.

В-третьих, отсутствует система мотивации осуществления общественного контроля, за исключением моральных качеств участников, которые могут быть нивелированы обстоятельствами, указанными выше. В-четвертых, имеет место ограничение распространения определенной информации, ставшей известной членам общественного совета, распространять которую нельзя, а это сводит на нет саму идею деятельности государственно-общественного формирования и общественного контроля в принципе. В-пятых, нормативное правовое регулирование устроено таким образом, что у общественных контролеров отсутствует возможность действительного влияния на поднадзорные структуры, а результаты работы так или иначе согласовываются с руководителем соответствующего подразделения. Наконец, имеет место угроза переложения неэффективной работы полиции на общество, которое слабо заинтересовано в конструктивном сотрудничестве с органами внутренних дел [Грошева, 2011, с. 115-116].

Для преодоления перечисленных проблем предлагается провести ряд мероприятий, среди которых создание и запуск специализированных формирований, которые могли бы собирать, анализировать и интерпретировать информацию о состоянии общественных отношений, связанных с объектами общественного контроля, включая системный учет общественного мнения; придание большей независимости анализу государственных программ, связанных с развитием общества; формулирование запроса к компетентным органам публичной власти с конкретными предложениями; снижение бюрократии за счет сокращения государственного аппарата, объективно ненужных процедур, а также интеграции механизмов управления, реализуемых в сфере бизнеса, если таковые могут быть применены в публично-правовой области общественных отношений; постоянная модернизация описанного выше процесса [Грошева, 2011, с. 195].

Заключение

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Контроль представляет собой специфическую форму соотношения субъектов конституционного права, представляющую собой воздействие уполномоченного актора в отношении другого/других на основе совершенных или несовершенных действий на предмет соответствия действующему праву с возможностью применения мер принудительного воздействия с целью восстановления законности и правопорядка.

¹ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Многообразие юридических механизмов осуществления контроля требует их максимального учета в конституционно-правовом регулировании для повышения эффективности практики реализации соответствующих мероприятий.

3. Общественный контроль видится перспективным направлением совершенствования публично-правовых отношений, но существующие механизмы реализации не позволяют раскрыть его полный потенциал. В этой связи видится перспективным усиление демократических начал реализации общественного контроля, использование государственного стимулирования с параллельным выходом из этого процесса государственных структур. Так, функционирование общественных палат, советов и других государственно-общественных формирований фактически позволяет публичной власти осуществлять в большей степени государственное управление или контроль, позиционируемый в качестве инструмента функционирования гражданского общества. Подмена понятий в этой части дополнительно негативно отражается на соотношении субъектов конституционного права.

Любые контрольные мероприятия не должны быть ориентированы на привлечение к ответственности или поддержания напряженного морального состояния проверяемых. Основной задачей в концептуальном смысле должно быть выявление и учет совершенных ошибок и стремление к постоянному совершенствованию. Исходя из этих позиций должны развиваться законодательство и правоприменительная практика.

Список литературы

- Бердникова Е.В. 2016. Правовые подходы к определению общественного контроля. *Современное право*, 3: 30–38.
- Годованик Е.В., Путренко А.Н. 2024. Концептуальные подходы к определению уровня эффективности конституционно-правовых норм. *Конституционное и муниципальное право*, 8: 2–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-8-2-6.
- Голобородько Ю.С. 2023. Развитие административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений: правовая диагностика (региональный аспект). *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(4): 735–744. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744.
- Гончаров В.В. 2024. О пределах взаимодействия субъектов общественного контроля и органов судебной власти в Российской Федерации. *Администратор суда*, 2: 12–16. DOI: 10.18572/2072-3636-2024-2-12-16.
- Грошева И.А. 2011. Социальный контроль в архитектонике институционального пространства. Тюмень, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 244 с.
- Кирилловых А.А. 2022. Механизм «регуляторной гильотины» в образовании: проблемы и перспективы практической реализации в деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. *Актуальные проблемы российского права*, 4: 37–45. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.137.4.037-045.
- Мусаева Р.М. 2011. Некоторые вопросы взаимодействия законодательной (представительной) и исполнительной власти на региональном уровне. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 2: 93–95.
- Омран Б. 2023. Государственный контроль как форма взаимодействия органов центральной и местной администрации в Сирийской Арабской Республике. В кн.: *Муниципальная власть в современном мире. Сборник материалов научно-практического форума*. М., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы: 63–66.
- Остром В. 1993. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. Пер. с англ., предисл. А. Оболонского. М., Арена, 320 с.
- Ostrom V. 1993. Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoye samoupravlyayushcheyesya obshchestvo [The meaning of American federalism. What is a self-governing society]. М., Publ. Arena, 320 p.

- Парсонс Т. 2001. О социальных системах. М., Академический проспект, 830 с.
- Росенко М.И. 2023. Взаимодействие органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития Севастополя. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 765–779. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779.
- Салий А.Р. 2021. Гражданский контроль в современной России как механизм взаимодействия власти и общества. *Крымский Академический вестник*, 18: 149–152.
- Спиридонов А.А. 2023. Парламентский контроль в единстве с системой государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля: современное понимание и перспективы развития. *Lex russica*, 76(3): 52–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.052-062.
- Старосьбяк Е. 1965. Элементы науки управления. М., Прогресс, 423 с.
- Тонков Е.Е. 2011. Модернизация юридических форм государственной деятельности: монография. М., Юрлитинформ, 256 с.
- Ханахмедова Л.В. 2023. Институт общественного контроля как элемент системы взаимодействия государства и гражданского общества: отдельные аспекты. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*, 3(101): 17–24.
- Хугаева Р.Г. 2023. Конституционная ответственность высших органов государственной власти Российской Федерации. Петрозаводск, Новая наука, 171 с.
- Чеботарев Г.Н. 2020. Как укрепить единую систему публичной власти? *Конституционное и муниципальное право*, 3: 19–23.
- Чеботарев Г.Н., Петелин А.Л. 2024. Участие граждан в осуществлении общественного контроля государственных и муниципальных закупок. *Конституционное и муниципальное право*, 2: 23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-2-23-26.
- Чиркин В.Е. 2005. Государство социального капитализма (перспектива для России?). *Государство и право*, 5: 54–60.
- Эбзеев Б.С. 2005. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). М., Экономика, 375 с.
- Япрынцева И.М. 2018. Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.02. М., Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 26 с.
- Ansell V. W., Lindvall J. 2020. Inward conquest: The political origins of modern public services. Cambridge University Press, 311 p.
- Felício T., Samagaio A., Rodrigues R. 2021. Adoption of management control systems and performance in public sector organizations. *Journal of Business Research*, 124: 593–602. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.069.
- Lawson G., Zarokol A. 2022. The State. *The Interwar World*. Routledge: 153–167.
- Maddah N., Verma A., Almashmoum M. 2023. Ainsworth Effectiveness of Public Health Digital Surveillance Systems for Infectious Disease Prevention and Control at Mass Gatherings. *Systematic Review J Med Internet Res*, 25: p. e44649. DOI: 10.2196/44649.
- Ross E.A. 1965. Social control. A survey of the foundations order. Cleveland – London, 416 p.
- Wibbeke L.M., Lachmann M. 2020. Psychology in management accounting and control research: an overview of the recent literature. *Journal of Management Control*, 31(3): 275–328.

References

- Berdnikova Ye.V. 2016. Legal approaches to the Defining of Public Control. *Sovremennoye pravo*, 3: 30–38 (in Russian).
- Godovanik Ye.V., Putrenko A.N. 2024. Kontseptual'nyye podkhody k opredeleniyu urovnya effektivnosti konstitutsionno-pravovykh norm [Conceptual approaches to determining the level of effectiveness of constitutional and legal norms]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 8: 2–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-8-2-6.
- Goloborod'ko YU.S. 2023. Development of Administrative and Legal Methods for Regulating Sanitary and Epidemiological Relations: Legal Diagnostics (Regional Aspect). *НОМОТНЕТИКА: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 48(4): 735–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744.

- Goncharov V.V. 2024. O predelakh vzaimodeystviya sub'yektov obshchestvennogo kontrolya i organov sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [On the Limits of Interaction between Public Control Subjects and Judicial Authorities in the Russian Federation]. *Administrator suda*, 2: 12–16. DOI: 10.18572/2072-3636-2024-2-12-16.
- Grosheva I.A. 2011. Sotsial'nyy kontrol' v arkhitektonike institutsional'nogo prostranstva [Social Control in the Architectonics of Institutional Space]. Tyumen', Publ. Tyumenskaya gosudarstvennaya akademiya mirovoy ekonomiki, upravleniya i prava, 244 p.
- Kirillovykh A.A. 2022. The “Regulatory Guillotine” Mechanism in Education: Problems and Prospects of Practical Implementation in the Work of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 4: 37–45 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.137.4.037-045.
- Musayeva R.M. 2011. Nekotoryye voprosy vzaimodeystviya zakonodatel'noy (predstavitel'noy) i ispolnitel'noy vlasti na regional'nom urovne [Some issues of interaction between legislative (representative) and executive authorities at the regional level]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*, 2: 93–95.
- Omran B. 2023. Gosudarstvennyy kontrol' kak forma vzaimodeystviya organov tsentral'noy i mestnoy administratsii v Siriyskoy Arabskoy Respublike [State control as a form of interaction between central and local administration bodies in the Syrian Arab Republic]. In: *Munitsipal'naya vlast' v sovremennom mire. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo foruma*. M., Publ. Rossiyskiy universitet druzhby narodov im. Patrisa Lumumbi: 63–66.
- Ostrom V. 1993. Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoye samoupravlyayushcheyesya obshchestvo [The meaning of American federalism. What is a self-governing society]. M., Publ. Arena, 320 p.
- Parsons T. 2001. O sotsial'nykh sistemakh [On social systems]. M., Publ. Akademicheskyy prospekt, 830 p.
- Rosenko M.I. 2023. Interaction of Executive Authorities and Business Communities in the Implementation of Integrated Development Programs of Sevastopol. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 48(4): 765–779 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779.
- Saliy A.R. 2021. Civil Control in Modern Russia as a Mechanism of Interaction Between Government and Society. *Krymskiy Akademicheskyy vestnik*, 18: 149–152 (in Russian).
- Spiridonov A.A. 2023. Parliamentary Control in Unity with the System of State Control (Supervision), Municipal Control and Public Control: Modern Understanding and Prospects for Development. *Lex russica*, 76 (3): 52–62 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.052-062.
- Staros'tsyak Ye. 1965. Elementy nauki upravleniya [Elements of Management Science]. M., Publ. Progress, 423 p.
- Tonkov Ye.Ye. 2011. Modernizatsiya yuridicheskikh form gosudarstvennoy deyatel'nosti [Modernization of Legal Forms of State Activity]. M., Publ. Yurlitinform, 256 p.
- Khanakhmedova L.V. 2023. The institute of Public Control as an Element of the System of Interaction Between the State and Civil Society: Selected Aspects. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 3(101): 17–24 (in Russian).
- Khugayeva R.G. 2023. Konstitutsionnaya otvetstvennost' vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii [Constitutional Responsibility of the Supreme Bodies of State Authority of the Russian Federation]. Petrozavodsk, Publ. Novaya nauka, 171 p. (in Russian)
- Chebotarev G.N. 2020. How to Strengthen the Unified Public Government System? *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 3: 19–23.
- Chebotarev G.N., Petelin A.L. 2024 Uchastiye grazhdan v osushchestvlenii obshchestvennogo kontrolya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [Citizen Participation in the Implementation of Public Control over State and Municipal Procurement]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2: 23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-2-23-26.
- Chirkin V.Ye. 2005. Gosudarstvo sotsial'nogo kapitalizma (perspektiva dlya Rossii?) [The State of Social Capitalism (A Prospect for Russia?)]. *Gosudarstvo i pravo*, 5: 54–60.
- Ebzeyev B.S. 2005. Gosudarstvennoye yedinstvo i tselostnost' Rossiyskoy Federatsii (konstitutsionno-pravovyye problemy) [State Unity and Integrity of the Russian Federation (Constitutional and Legal Problems)]. M., Publ. Ekonomika, 375 p.
- Yapryntsev I.M. 2018. Obshchestvennyy kontrol' v sisteme grazhdanskikh initsiativ v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoye issledovaniye [Public control in the system of civil initiatives

- in the Russian Federation: constitutional and legal research]. M., Publ. Mosk. gos. yurid. akad. im. O.Ye. Kutafina, 26 p.
- Ansell B. W., Lindvall J. 2020. Inward conquest: The political origins of modern public services. Cambridge University Press, 311 p.
- Felício T., Samagaio A., Rodrigues R. 2021. Adoption of management control systems and performance in public sector organizations. *Journal of Business Research*, 124: 593–602. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.069.
- Lawson G., Zarakol A. 2022. The State. *The Interwar World*. Routledge: 153–167.
- Maddah N., Verma A., Almashmoum M. 2023. Ainsworth Effectiveness of Public Health Digital Surveillance Systems for Infectious Disease Prevention and Control at Mass Gatherings. *Systematic Review J Med Internet Res*, 25: p. e44649. DOI: 10.2196/44649.
- Ross E.A. 1965. Social control. A survey of the foundations order. Cleveland – London, 416 p.
- Wibbeke L.M., Lachmann M. 2020. Psychology in management accounting and control research: an overview of the recent literature. *Journal of Management Control*, 31(3): 275–328.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 06.05.2024

Поступила после рецензирования 10.06.2024

Принята к публикации 20.06.2024

Received May 6, 2024

Revised June 10, 2024

Accepted June 20, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Станислав Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; старший научный сотрудник Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav A. Vasiliev, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Senior Researcher at the Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia.